

Шестая глава из «ЧЕРНОЙ КНИГИ КОММУНИЗМА»

СССР С 1923 ПО 1936 ГОД

Это первое не художественное, а именно историко-публицистическое исследование чудовищных преступлений коммунистических режимов в разных государствах и, прежде всего, в России. Книга написана зарубежными историками. Издана во многих европейских странах огромными тиражами. Только во Франции ее тираж составил 300 000 экземпляров. Переведена на 31 язык. На русском языке книга вышла в издательстве «Три века истории».

(...продолжение, начало в №85-94)

Бесспорно, можно, подхватив выражение Андрея Сахарова, говорить об «ураинофобии Сталина». Однако следует отметить, что репрессии голодом постигли также места расселения казаков на Дону и Кубани и жителей Казахстана. В этой республике коллективизация и принуждение к оседлости имели разрушительные последствия: 80% скота было уничтожено за два года. Лишенные всего, что имели, вынужденные голодать, два с лишним миллиона казахов откочевали за пределы республики, около миллиона – в Центральную Азию, полтора миллиона – в Китай.

В действительности, в таких регионах, как Украина, Казачий Край, некоторые округа Черноземья, голод стал последней каплей в противостоянии между большевиками и крестьянством, начатом еще в 1918-1922 годах. Можно обозначить зоны, сопротивлявшиеся продразверстке и коллективизации в 1929-1930 годах, и зоны, пораженные голодом.

Из тех местностей, где состоялись 14000 бунтов и крестьянских восстаний, зарегистрированных ОГПУ в 1930 году, 85% были наказаны голодом в 1932-1933 годах. Это самые богатые и самые перспективные сельскохозяйственные районы, то есть такие, которые могли бы дать государству больше других, но именно эти районы больше всего потеряли при изъятии у них сельскохозяйственной продукции во время хлебозаготовок, сменной затем насильственной коллективизацией, именно эти районы смертоносно поразил голод 1932-1933 годов.

«СОЦИАЛЬНО ЧУЖДЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ» И ЦИКЛЫ РЕПРЕССИЙ

Если крестьянство, в общем, заплатило самую тяжелую дань волюнтаристскому сталинскому плану радикального изменения общества, то другие социальные группы, называемые «социально чуждыми», были под разными предлогами выброшены на обочину нового общества, лишены гражданских прав, изгнаны с работы, лишены жилья, спущены вниз по лестнице социальной иерархии, высланы за пределы обычных мест обитания.

Духовенство, люди свободных профессий, мелкие предприниматели, торговцы и ремесленники были главными жертвами «антикапиталистической революции», начатой в тридцатые годы. Население городов входило отныне в категорию «рабочего класса, строителя социализма», однако и его тоже постигли репрессии, которые, в соответствии с господствующей

идеологией, превратились в самоцель, поскольку тормозили активное движение общества к прогрессу.

Знаменитый процесс в городе Шахты обозначил конец «передышки», начавшейся в 1921 году, в противостоянии между властью и «спецами». Накануне «запуска» первого пятилетнего плана политический урок процесса в Шахтах стал ясен: скептицизм, нерешительность, равнодушие в отношении предпринимаемого партией могли привести только к саботажу. Сомневаться – это уже предавать. Преследование специалиста (спецеедство) глубоко внедрилось в большевистское сознание, а процесс в Шахтах стал политическим сигналом к проведению других подобных процессов.

Специалисты (спецы) стали козлами отпущения за экономические неудачи и лишения, порожденные падением уровня жизни. С конца 1928 года тысячи промышленных кадров, «буржуазных инженеров» были уволены, лишены продуктовых карточек, доступа к врачам, иногда – изгнаны из своих жилищ. В 1929 году тысячи чиновников Госплана, Наркомфина, Наркомзема, Комиссариата по торговле были уволены под предлогом «правого уклона», саботажа или принадлежности к «социально чуждым элементам». Действительно, 80% чиновников Наркомфина служило при царском режиме.

Кампания по чистке отдельных учреждений обострилась летом 1931 года, когда Сталин, желая покончить навсегда с «правыми», и в частности, с Рыковым, в тот момент занимавшим пост главы правительства, решил продемонстрировать связи последних со «специалистами-саботажниками». В августе-сентябре 1930 года ОГПУ многократно увеличило число арестов известных специалистов, занимающих важные посты в Госплане, в Государственном банке и в Народных комиссариатах финансов, торговли и земледелия.

Среди арестованных был, в частности, профессор Кондратьев - изобретатель знаменитых циклов Кондратьева, заместитель министра сельского хозяйства по продовольствию во Временном правительстве 1917 года, руководившего смежным с Наркомфином институтом, а также профессора Чаянов и Макаров, занимавшие важные посты в Наркомземе, профессор Садырин, член правления Государственного банка СССР, профессор Рамзин и Громан, один из видных экономистов и самых известных в Госплане статистиков, и многие другие известные специалисты.

Надлежащим образом проинструктированное самим Сталиным по вопросу о «буржуазных специалистах», ОГПУ под-

готовило дела, которые должны были продемонстрировать существование сети антисоветских организаций внутри якобы существующей «Рабоче-крестьянской партии», возглавляемой Кондратьевым, и «Промышленной партии», возглавляемой Рамзиным. Следователям удалось выбить из некоторых арестованных «признания» как об их контактах с «правыми уклонистами» Рыковым, Бухариным и Сырцовым, так и об их участии в воображаемых заговорах, имеющих целью свергнуть Сталина и советскую власть с помощью антисоветских эмигрантских организаций и иностранных разведок.

ОГПУ пошло еще дальше: оно вырвало у двух инструкторов военной академии «признания» о готовящемся заговоре под руководством начальника Генштаба Красной Армии Михаила Тухачевского. Как о том свидетельствуют письмо, адресованное Сталиным Серго Орджоникидзе, вождь тогда не рискнул сместить Тухачевского, предпочитая другие мишени – «специалистов-саботажников».

Приведенный эпизод ясно показывает, как фабриковались дела так называемых «террористических групп», с 1930 года включавших представителей антисталинской оппозиции. В тот момент Сталин не мог и не хотел идти дальше. Все провокации и маневры этого момента имели узко определенную цель: полностью скомпрометировать последних его противников внутри партии, запугать всех нерешительных и колеблющихся.

22 сентября 1930 года «Правда» опубликовала «признания» 48 чиновников Наркомторга и Наркомфина, которые признали себя виновными «в трудностях с продовольствием и исчезновением серебряных денег». За несколько дней до этого Сталин в письме, адресованном Молотову, таким образом, его проинструктировал: «Нам нужно: а) радикально очистить аппарат Наркомфина и Государственного банка, несмотря на крики сомнительных коммунистов типа Пятакова-Брюханова; б) расстрелять два или три десятка проникших в аппарат саботажников; в) продолжать на всей территории СССР операции ГПУ, имеющие целью возвращение в обращение серебряных денег». 25 сентября 1930 года 48 специалистов были казнены.

В последующие месяцы состоялось несколько аналогичных процессов. Некоторые из них происходили при закрытых дверях, такие, например, как «процесс о Госплане» или о «Рабоче-крестьянской партии». Другие процессы были публичными, например «процесс Промпартии», в ходе которого восемь человек «признались» в том, что создали обширную сеть, состоящую из двух тысяч специалистов, чтобы на деньги иностранных посольств организовать экономический переворот. Эти процессы подержали легенду о саботаже и заговорах, которые были столь важны для укрепления сталинской идеологии.

За четыре года, с 1928 по 1931 год, многие специалисты промышленности и управленческого аппарата оказались выключенными из жизни общества, 23000 из них были списаны по первой категории («враги советской власти») и лишены

гражданских прав. Травля специалистов приняла огромные размеры на предприятиях, которые заставляли необоснованно увеличивать выпуск продукции, отчего росло число несчастных случаев, брака, поломок машин.

С января 1930 до июня 1931 годов 48% инженеров Донбасса были уволены или арестованы: 4500 «специалистов-саботажников» были «разоблачены» в ходе первого квартала 1931 года в одном только секторе транспорта. Эта травля специалистов, выдвижение целей, которые заведомо не могут быть достигнуты, приведшая к невыполнению планов, сильному падению производительности труда и рабочей дисциплины, к полному игнорированию экономических законов, закончилась тем, что надолго разрушила работу предприятий.

Кризис принял грандиозные масштабы, руководство партией вынужденно приняло некоторые «корректирующие меры». 10 июля 1931 года Политбюро решило ограничить суды над спецами, ставшими жертвами объявленной в 1928 году охоты на них. Были приняты необходимые меры: немедленно освобождено несколько тысяч инженеров и техников, в основном, в металлургической и угольной промышленности, уничтожена дискриминация в доступе к высшему образованию детей интеллигенции, ОГПУ запретили арестовывать специалистов без согласия соответствующего Наркомата. Даже простое перечисление этих мер показывает масштаб предшествующих преследований, жертвами которых стали со времен Шахтинского дела десятки тысяч инженеров, агрономов, техников и администраторов всех уровней.

Среди других общественных категорий, изгнанных на обочину «нового социалистического общества», было также и духовенство. В 1929-1930 годах начинается второе большое наступление Советского государства на духовенство, следующее после антирелигиозных репрессий 1918-1922 годов. В конце двадцатых годов, несмотря на осуждение некоторыми высшими иерархами духовенства «верноподданнического» по отношению к советской власти заявления митрополита Сергия, преемника патриарха Тихона, влияние православной церкви в обществе остается достаточно сильным.

Из 54 692 действующих в 1914 году церквей в 1929 году осталось 39 007. Емельян Ярославский, председатель основанного в 1925 году Общества безбожников, признавал, что только около десяти миллионов человек из ста тридцати миллионов верующих «порвали с религией».

(продолжение следует...)